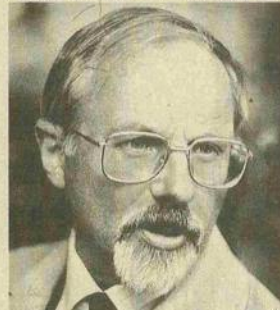

Никита СТРУВЕ:

Никита Алексеевич Струве — литературовед, профессор Сорбонны, директор «ИМКА-пресс» — наиболее крупного за рубежом русского издательства. Едва ли не самые значительные из последних 5 лет книг впервые увидели свет именно здесь, в «ИМКА-пресс». Публикуемый материал, соединив в себе интервью, которое Н. А. Струве дал корреспонденту «ЛГ» во время недавнего пребывания в Москве, и фрагменты нескольких его публичных выступлений, в какой-то мере раскрывает нам взгляд на происходящее человека, знающего нашу страну как бы и извне, и изнутри.

«И одна страна не заручена от беснования»

— Вы все да дермали пуну на пульте России. В какой мере совпали ваши представления о ней с тем, что смогли впервые увидеть воочию?

— В основном совпали. Но некоторые вещи поразили меня больше, чем можно было ожидать. Это вещи, я бы сказал, вечного порядка. Бьющий свет со стен Благовещенского собора в Кремле, непрерывный молитвенный поток у гроба преподобного Сергия в Троице-Сергиевой лавре. Об этом я знал, об этом читал лекции студентам, но не представлял себе мощности этого света. Что же касается разоренности России, неприглядности Москвы, которой я раньше не знал и потому для меня она исполнена некоторой прелестью, это как раз соответствовало тем представлениям, которые у нас были в отдалении.

— Вас во Франции считают русским? — Скорее, да. Но я человек и русской культуры, и французской одновременно. Тут нет разрыва. Недавно меня как отпрыска русской эмиграции пригласили на французское телевидение, и я мог, не лицемера, сказать, что Россия—

моя духовная родина, в основном из-за религии. Но Франция — тоже родина. Ее природа — это моя природа и моя плоть, ее культура — это моя культура. Но за «полноценного» француза меня не принимаю.

— В какой мере вы чувствовали себя здесь дома, среди своих? — Кто-то из моих детей, здесь побывавших, сказал: «То, да не то». Весь опыт жизни совершенно иной, и потому психологического слияния быть не может. Но в Троице-Сергиевой лавре я себя чувствую совсем дома — это точно.

Французы любят представить себя как страну ксенофобскую. Но нежная Франция, как говорил Мандельштам, оказалась очень нежно к русской эмиграции. Я думаю, ни один русский эмигрант из тех, что сейчас упокоились на кладбищах, не может пожаловаться на Францию. Напротив, они поблагодарили бы ее за то, что она позволила русским жить, оставаться самими собой и самобытно развиваться — без всякого напора ассимиляции. В этом большая и бес-

примерная историческая заслуга Франции. В Америке так не было — эта страна, состоящая из эмигрантов, неужбежно их ассимилирует.

Но вообще эмигрантский путь тяжел. Я против эмиграции. Надо обустроить свою страну. Тем не менее каждый должен иметь возможность давать всеобщим воздухом, и каждый должен по совести решить, где он нужен. С другой стороны, эмиграция обогащает Запад, славянтину, а это ведь важно и для России тоже — мир будет лучше ее знать и понимать.

— У нас здесь усиливается ощущение, что русская культура гибнет. Не может ли великая культура погибнуть?

— Всякая культура может погибнуть и выродиться. Тем более что она сама себя истребляла, а не органически изменялась. Но сила русского слова — от Пушкина до Бродского, от Бунина до Солженицына, сила ее религиозной мысли XX столетия, которую здесь еще только предстоит осознать и, дай бог, она будет освоена, вообще весь напор великой культуры — одной из самых великих в мире религиозных культур — от Рублева до Достоевского и дальше — все-таки позволяет надеяться.

— Сравните, на ваш взгляд, в какой мере были поучительными для Запада опыт и весь горестный путь русской культуры в XX веке? — Можно сказать, хотя это мало утешение, что России выпали такие разрушения для того, чтобы она первой приняла на себя этот удар безбожного утопизма, прометейзма и тем самым оградила от него Европу. Беснование произошло в России. Но не так давно, в 1968 году, мы были свидетелями нового, пусть ограниченного беснования на Западе. Я имею в виду студенческие беспорядки. В моем, кстати, университете — Сорбонне. Это был рецидив — на малом пространстве, на равном месте Франция жила спокойно, замкнуто, войны не было. Рецидива какого-то прометейского жгания немедленно устранил счастье на земле. Какое счастье — неважно, важно устроит его, луский даже и насильственно. И это удивительно и парадоксально — на основании идеи, которые себя из-

жили и доказали свою губительность в других странах. Ни одна страна не может быть заручена от беснования.

В этом смысле путь России поучителен. Но, надо сказать, Запад с трудом усваивал этот урок, мы были тому свидетелями. Решающую роль сыграл Солженицын, хотя, может быть, и Западу подоспело уже время понять то, что произошло с Россией. «Архипелаг ГУЛАГ» стал книгой века на Западе. Он изгнал еще бытующее беснование в людях, в основном в интеллигенции. Более того, деляя интеллигенция как бы обратилась и покаялась в лице своих лучших представителей. Во всяком случае, во Франции. Англо-американский опыт был другой, там беснования было меньше, люди не так сильно предавались догматическим иллюзиям.

— Традиционные русские, вопросы: «Кто виноваты?» и «Что делать?»

— Первый вопрос нужно отбросить. Все виноваты, виноваты в каком-то смысле нет. И это освобождает. Искать вину у кого-то — путь почти всегда и несправедливый, и бесплодный — только разнителъ антонимизм. Виноваты все, может быть, в разной степени, но кто будет ее измерять? Виноваты и Запад, и русские, и инородцы, теория в первую очередь — словом, виновата история. А может быть, и никто не виноват, потому что беснование — вещь иррациональная. На этот счет есть прекрасный этюд прекрасного русского мыслителя Аскольдова, который так и называется «Кто виноваты?». И все, и никто — по Достоевскому. Сейчас, спустя 70 лет, пора не искать виновных, а смотреть в будущее.

А второй вопрос огромен. Я думаю, что прежде всего надо раз и навсегда отбросить ложные идеи, которые привели страну к разорению. Но вот как ее постепенно восстанавливать, как вернуть ее к труду — очень сложно ответить. С Россией страшная беда — большая, почти космическая. Но сейчас она начинает выпрямляться, выдоравливаться. Это так разительно и ошутимо для нас, живущих за рубежом. Это почти чудо, но чудо — тоже историческая закономерность. Нужно продолжать в этом же на-

правлении — творить, действовать. Должны, повторяю, возобладать не споры — кто и насколько виноват, в творчестве, действительно, необычайные моменты. В России страсть обличительства привела к такому злу! Она и эмиграция, кстати, разъедала, эта болезнь. Нам надо всем перейти — тем, кто взосвал дальнейший путь как выход из пропасти, — к мирной созидательности. У меня, кстати, есть предсмертное письмо священника Александра Меня, где он к этому призывает.

На встрече Н. А. Струве с членами православного общества «Радономи» ведущий сказал, что поступило много вопросов о том, не является ли «ИМКА-пресс» жидомасонской организацией. Струве отреагировал мгновенно и твердо, с улыбкой и вызовом. Его ответ «Да-да, конечно. Несомненно. Мы прожили 70 лет как жидомасоны. Но над это не слушаю», — вызвал смех в зале. Ответ оценили, можно было тем и ограничиться. Но Никита Алексеевич счел необходимым расширить тему и дальше уже говорил абсолютно серьезно.

— В своей жизни я знал очень мало масонов и никогда не понимал, зачем им это нужно. Были среди них люди иногда очень достойные, но в основном легкомысленные. Из книги Нины Берберовой мы теперь более или менее точно знаем, кто в эмиграции был масоном, а кто не был. Тем не менее по-прежнему существует мифология масонства, и здесь она, как я убедился, нашла благодатную почву. Люди не столько хотят понять, что же произошло на самом деле и что произошло, сколько перенести на кого-то ответственность.

Вообще-то масонство — огромное явление. Великий русский просветитель Н. И. Новиков, великий австрийский композитор Моцарт были масонами. Ну и что? Нам от этого ни холодно ни жарко. Я, правда, меньше люблю «Волшебную флейту» с ее масонскими идеями — но только оттого, что там фабула сложная, хотя музыка божественная.

● ОКОНЧАНИЕ НА 6-й СТ.

Никита
СТРУВЕ:

«НИ ОДНА СТРАНА НЕ ЗАРУЧЕНА ОТ БЕСНОВАНИЯ»

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 7-й СТР.

Да, в некоторых странах масонство является политической силой, но представлять его как некий мировой заговор против всех и вся — такое упрощение. Это, разумеется, страшно удобно, но это от неразвитости ума.

И вопрос «еврейский» — тут очень много записок на эту тему — из области мифологизации. Это тоже очень удобно. Но он гораздо более глубокий, этот вопрос, я сказал бы, богословский, почти космический, поскольку еврейский народ был избран Богом и мы, христиане, в каком-то смысле принадлежим к этому народу. И уже только поэтому антисемитизм, вообще всякого рода «анти» для христиан — глубочайшее извращение, вещь не только греховная, но и самоистребляющая. Через еврейский народ пришел Спаситель мира, и это поставило его в мировой истории на определенную высоту. Даже если не считать Христа Спасителем и Богом, то еврейский народ велик уже потому, что «произвел» Христа. И несмотря на то, что не все евреи его приняли, избранничество — со знаком плюс или минус — остается на этом народе. Есть еврейское мессианство, и оно, разумеется, может вызывать возражения. Но есть еще еврейские страдания, которые проходят через всю историю, и они уподобляют еврейский народ, не принявший Христа, Христу. Вот почему я считаю антисемитизм не только одним из тяжчайших грехов человечества, но и чистым язычеством. А для христиан оно является позором.

— «ИМКА-пресс» владеет правом издания на русском языке книг Солжени-

цына за границей. Расскажите, пожалуйста, о своих отношениях с ним.

— Мне посчастливилось встретить гения. Известно, что в детстве он мечтал быть либо патриархом, либо генералом, либо поэтом. Поэтом он не стал, генералом не стал, патриархом тоже. Но тем не менее что-то от патриарха у него есть — он действительно пророк, провидец нашей истории. Пророк не только тот, кто видит будущее. Это тот, через кого Бог говорит. Может быть, не всегда, но Бог говорил его устами.

Про ГУЛАГ мы на Западе имели 25 книжных свидетельств, но ни одному никто не поверил. Когда вышел «Архипелаг», Запад поверил. Это есть чудо художественного слова. Александр Исаевич, безусловно, отмечен провидением. Он прошел через войну, через ГУЛАГ, через рак, через все дальнейшие испытания. Теленок бодался с дубом, и, мы знаем, именно теленок одолел дуб, а в каком-то смысле и повалил этот дуб.

Ну, а в личном порядке что сказать? Как всякий гений, это человек сверхъестественный, который не укладывается в наши мерки. У него особое видение, особое отношение к реальности, особый способ жить.

Я был среди тех, кто встречал его в Цюрихе, когда его выслали из России, общался с ним вначале почти ежемесячно. Он жил в нашем доме, ездили мы с ним по Франции, гуляли по Парижу, был я у него в Вермонте, пили, ели, читали его рукописи. И ни разу я не усомнился в том, что Россия имеет великого человека.

— В эссе Солженицына «Как нам обустроить Россию?» некоторые места — о шовинизме, об имперском сознании — явились неожиданностью для приверженцев изданий псевдопатриотического тол-

ка. Как вы относитесь к борьбе воируг его имени?

— Каждое крупное явление вызывает борьбу, а всякую борьбу нужно приветствовать, лишь бы она велась по правилам, без озлобления и оскорблений. Солженицын и за рубежом выдержал такую борьбу, иногда приобретающую характер недозволенного удара. Я думаю, что он как раз и написал свое эссе, чтобы разбудить мысль, вмешаться в те споры о России, которые сейчас идут. Всякий пророк, всякое просто художественное слово всегда вызывает и противоречия, и противление, и зависть. Мы наблюдали это и за границей, это неизбежно. Лишь бы уровень спора не опускался. Мне кажется, что последняя брошюра Александра Исаевича как раз к тому приглашает.

— Становление издательства «ИМКА-пресс» прошло на двух волнах эмиграции. Сейчас происходит ее духовное творческое возвращение на родину. Как вы в этой связи видите дальнейшую деятельность издательства? Дальнейшее участие в русской духовной жизни?

— 70 лет — это вообще преклонный возраст и обыкновенно уже возраст покоя и отставки. И, возможно, будущего, долгого будущего у издательства уже не будет. Возможно, мы вернемся к чисто духовно-философскому направлению. Меня скорее беспокоило бы расширение деятельности, если бы мы, например, решили печатать экспериментальную художественную литературу, но ведь для этого много издательств в России.

Мы приехали сюда не для того, чтобы решать какие-то дела, а чтобы показать, что дало русское зарубежье за эти 70 лет. А там как Богу будет угодно.

Беседу вел Евгений КУЗЬМИН